

Александр Валентинович Амфитеатров

О ревности

Александр Валентинович Амфитеатров
О ревности
Серия «Женское нестроение», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2784075

Аннотация

«Убийство въ Царскомъ Селѣ баронессою Врангель сестры своей, Чернобаевскій процессъ въ Москвѣ и рѣчи и ходатайства женскаго конгресса въ Парижѣ заставили печать и общество снова разговориться на тему о ревности, мирно спавшую въ архивѣ чуть ли не со временъ „Крейцеровой сонаты“...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Валентинович Амфитеатров О ревности

I

Убийство въ Царскомъ Селѣ баронессою Врангель сестры своей, Чернобаевскій процессъ въ Москвѣ и рѣчи и ходатайства женскаго конгресса въ Парижѣ заставили печать и общество снова разговориться на тему о ревности, мирно спавшую въ архивѣ чуть ли не со временъ «Крейцеровой сонаты».

Признаюсь откровенно. Говоря о ревности, я буду писать о чувствѣ, мнѣ совершенно неизвѣстномъ, которое я могу вообразить себѣ лишь вчужѣ, отвлеченно, по конфиденціямъ добрыхъ друзей и знакомыхъ изъ разряда Отелло, да по романическимъ книжкамъ съ исторіями о ревности или съ анализомъ ея психологіи. Я, словомъ, знаю, что есть такое скверное чувство въ разрядѣ страстей человѣческихъ — ревность, знаю, какъ она выражается внѣшнимъ образомъ въ поступкахъ человѣческихъ, понимаю ея источники и мотивы; но рѣшительно не въ состояніи вообразить ее въ субъективномъ примѣненіи. Мнѣ никогда не случалось ревновать, —

думаю, что и не случится, развѣ что къ дряхлой старости натура человѣка, говорятъ, иной разъ мѣняется до корня, и удовольствіе испытать муки Отелло или Позднышева сохранено для меня благодѣтельною природою лѣтъ на 70–75. Но старческая ревность, обыкновенно, относится къ разряду комическихъ явленій жизни, а не трагическихъ; она обычный сюжетъ для водевиля, но рѣдко возвышается до трагедіи. Такъ что удивить міръ ревнивымъ злодѣйствомъ я, кажется, пропустилъ всѣ сроки. такимъ образомъ, могу говорить о ревности – «какъ старый дѣякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, добру и злу внимая равяодношно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

Прошу извиненія за субъективный и даже автобіографическій тонъ выше напечатанныхъ строкъ. Но такія сомнительныя, неопредѣленныя чувства, какъ ревность, всегда анализируются у насъ въ субъективной примѣркѣ. Читаешь разсужденія о ревности россійскихъ Платоновъ и – такъ и видишь въ промежуткѣ общихъ фразъ, обвиняющихъ или оправдывающихъ, глядя по убѣжденіямъ автора, какъ онъ мысленно прикидываетъ теорію на свой личный практическій салтыкъ:

– А что, молъ, если бы сбрендила моя Марья Ивановна?! О!!!..

И точки. Много много выразительно-кровавыхъ точекъ. Или наоборотъ:

– А вотъ, кабы отъ меня сбѣжала Пульхерія Андреевна, –

ужъ показаль бы я міру, какъ гуманно и рыцарски долженъ относиться къ подобнымъ происшествіямъ истинно интеллигентный и порядочный человѣкъ.

— Ахъ, если бы онъ измѣнилъ мнѣ, я бы убила его!.. ее!.. всѣхъ!!!

— А я... я пожертвовала бы собою для ихъ счастія и потомъ... умерла бы!

Мнѣ кажется, что сильное развитіе половой ревности въ нашемъ современномъ обществѣ, — а развитія этого отрицать нельзя, — происходитъ отъ романической привычки удѣлять ей вниманія гораздо больше, чѣмъ она того заслуживаетъ, а вниманія больше заслугъ удѣляется ей по романическому же предразсудку считать ревность чувствомъ возвышеннымъ, благороднымъ, украшающимъ любовь и представляющимъ непремѣнный ея признакъ, чуть не доказательство ея истинности.

Кому не случалось слышать жалобъ отъ женъ, сомнѣвающихся, любятъ ли ихъ мужья, потому что:

— Что же это? За мною всѣ ухаживаютъ, я кокетничаю направо и налево, а ему — что стѣнѣ горохъ: хоть бы замѣчаніе сдѣлать, хотя бы поморщился... Значить, онъ не боится потерять меня для другого! Значить, я ему — «все равно!» Значить, онъ меня не любитъ! О, я несчастная! Или, наоборотъ, дикихъ и глупыхъ восторговъ:

— Ахъ? душка! какъ онъ меня любятъ, какъ любятъ! Иванъ Ивановичъ всего лишь тѣмъ и провинился, что заѣхалъ къ

намъ въ неприемный часъ, а я все-таки его приняла... Ну, и досталось же мнѣ! буду помнить! Чуть не убилъ, – право: ты, говорить, такая, ты, говорить, скаяя... Едва-едва отговорила его не вызывать Ивана Ивановича на дуэль. Просто, – тигръ какой-то!

Извѣстенъ трагикомическій рассказъ Герберштейна, имѣющій уже почтенную давность четырехъ вѣковъ, о русской дамѣ, на которой жедился нѣмчинъ. Супруги жили счастливо, но молодая думала, что она несчастна, и плакала горькими слезами, потому что мужъ ее не колотилъ.

– Всѣ мужья бьютъ своихъ женъ, а ты не бьешь, – значить, я тебѣ не любя! ты другую любишь.

Нѣмецъ, изумленный столь странною логикою супружескихъ отношеній, долгое время уклонялся отъ доказательствъ своей нѣжности чрезъ посредство побоевъ. Но, наконецъ, жена его такъ одолѣла, что онъ рѣшилъ: «съ волками жить, по-волчьи выть», – и отдулъ благовѣрную разъ, другой, третій, къ полному ея удовольствію. Потому-ли, что нѣмецъ, какъ нѣмецъ, любилъ все дѣлать аккуратно, и, ужъ если взялся бить, то билъ на совѣсть; потому ли, что, ознакомясь съ новымъ спортомъ, вошелъ во вкусъ и сталъ упражняться въ немъ до чрезмѣрнаго усердія, – только жена нѣмца вскорѣ захирѣла и умерла. А нѣмцу отрубили голову

Современное стремленіе женщины быть «интересно»-ревнуемою вполне сродни этому средневѣковому влеченію быть битою по любви. И, если смотрѣть въ корень, оно

не менѣе унизительно для женщины, чѣмъ то, старинное, потому, что въ немъ, со стороны женщины, громко звучить то же странное, страдальческое желаніе сознавать себя вещью, собственностью мужчины, что въ средневѣковыхъ просьбахъ о побояхъ.

— Хочу страданіемъ познать, что я твоя! — такова логика жены Герберштейнова нѣмца.

— Обрати въ адъ подозрѣній и мою, и свою жизнь, — тогда я сознаю, что я твоя! — такова логика современныхъ охотницъ до трагедій ревности. Для нихъ любовь прежде всего является чѣмъ-то въ родѣ «наказанія на душѣ», какъ для дуры эпохи Герберштейна была она наказаніемъ на тѣлѣ.

Романтическая эпоха, когда ревность, въ качествѣ сильной страсти, порождающей эффектныя эмоціи, была особенно въ чести, прославляемая, какъ чувство, хотя мрачно-губительное, но прекрасное благородное, навязала потомству предразсудки эти съ необычайною прочностью. Я зналъ и знаю весьма многихъ мужчинъ, совсѣмъ не ревнивыхъ по существу, которые искренно стыдились отсутствія въ нихъ этой способности и — за неимѣніемъ гербовой, писали на простой: играли въ ревность, притворялись ревнивцами, при чемъ инымъ удавалось и въ самомъ дѣлѣ увѣрить себя, будто они ревнивы. Увѣрить не только до громкихъ и страшныхъ словъ, но и до нѣкоторыхъ дѣяній даже уголовного характера, въ которыхъ потомъ они мало, что горько раскаивались, но и прямо и откровенно обвиняли себя: сду-

ру сдѣлать! самъ не знаю, зачѣмъ! Предразсудокъ о «порядочности» ревности создаетъ весьма частое театральничанье ревностью. Имъ полны романы мальчишекъ, — «на зарѣ туманной юности». Боже мой! да кто же изъ насъ не вспомнить, какъ въ 18–20 лѣтъ онъ гримировался Отелло предъ какою-нибудь Анною, Марьею, Лидіей, Клавдіей и т. д. Простите за опять субъективные «реминисансы». Я, напримѣръ, впервые въ жизни очутился въ Петербургѣ, на двадцатомъ году жизни, потому что жестокая «она» вышла замужъ за военнаго офицера, и я всеконечно не могъ! не могъ!! не могъ!!! оставаться съ «нею» въ одномъ городѣ, дышать однимъ воздухомъ... И я уѣхалъ въ Петербургъ, разыгравъ такія сцены отчаянія, что просто Сальвини всѣ пальчики перецѣловалъ бы, а главное, и самого себя стараясь держать въ глубокомъ убѣжденіи, что я дѣйствительно несчастенъ, и жизнь моя разбита, и всѣ свѣтила потускли, и всѣ радуги померкли. И ужасно злился на себя, когда, сквозь это театральничанье, вдругъ начинали мелькать настоящія-то молодые мысли: — А хорошо въ Петербургѣ будетъ въ театръ сходить, Савину посмотреѣть! а улицы-то, говорятъ, въ Петербургѣ чистыя, а дома-то огромные! «Мѣднаго всадника» увижу, Эрмитажъ. Славно!.. И старался хмуриться еще мрачнѣе, дабы окружающіе не замѣтили паденія барометра моихъ чувствъ и не умѣрили, въ соотвѣтственномъ отношеніи своего ко мнѣ сочувствія. Но въ вагонѣ, едва поѣздъ двинулся, мнѣ вдругъ стало такъ мило и весело, что я ѣду въ Петербургъ, что

я чуть-чуть не подскакивалъ на скамѣ... Объ «измѣнницѣ» и по дорогѣ, и въ Питерѣ я ни разу не вспомнилъ, проведъ время самымъ счастливымъ и утѣшительнымъ образомъ, а, вернувшись въ Москву, едва не привалился на экзаменѣ по римскому праву у Боголѣпова и, зубря лекціи, со злостью думалъ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.